

И человек, иной чем прежде
 В своей изменчивой одежде
 Одетый облаком и наг,
 Цветами отмечая шаг,
 Летишь в заоблачную тишь
 С весной быстрою сам-друг
 Прославив солнца летний круг.

(«Поэт», стр. 190).

И пусть моровые чернила
 Покроют листы бытия,
 Дыханье судьбы изменило
 Одежды свободной края.

(«Ладомир», стр. 226).

В средневековой христианской письменности связь между одеждой и сущностью человека, между сменой одежд и регенерацией настолько распространена, что мы ограничимся немногими наиболее ясными образцами.

Кирилл Туровский в «Сказании о черноризьчьстѣмъ чину» приводит ветхозаветный эпизод исхода иудеев из египетского плена: «Прошедъше море, манюю вси без труда питахуся, и ризы же на них растяху, дондеже под Синайскую гору придоша». Толкуя его, Кирилл пишет: «Ризы же не славны и мякькы любви, но растуша, сирѣчь многими пошивая заплатами, дондеже к горѣ боголюбных добродѣтелей доидеши».¹⁷ Нравственное восхождение и совершенствование человека реализуются в трагическом образе. Как индивидуальный акт употребления такого образа, это высказывание подчинено целям христианской идеологии (заметим, кстати, что у католиков эта словесная метафора овеществилась в быту нищенствующих орденов), однако в структурной основе мотива лежит то же крайне архаичное, дохристианское ядро, что у Маяковского и Хлебникова.

Для средневековых авторов эта метафора была освящена авторитетом Ветхого завета. Псалом 103 дает и усеченный и полный трансформационные варианты ее. Первый зафиксирован в стихе «одѣяися свѣтом яко и ризою» (удивительное совпадение с Маяковским, наводящее на мысль, не пользовался ли он Псалтырью). Это — аналогичное строчкам «Войны и мира» скрещение двух мотивов. Второй вариант («В исповѣданье и в лѣпоту облѣчешя») истолкован Афанасием Александрийским следующим образом: «Егда бо исповѣданье приноситься богу, тогда в вельлѣпоту облачиться».¹⁸ Толкование — пример того, что в средние века расшифровка компонентов ядерного образа всегда была безусловной и однозначной. Заканчивая обзор мотива регенерации — смена одежд, заметим, что не только в католическом, но и в православном обряде он учитывался. Подтверждений немало. Символический смысл монашеской одежды, например, подробно раскрыт в цитированном Слове Кирилла Туровского. В «Вопрошании Кириковом», когда речь идет об обращении латинян в православную веру, говорится: «И тако осмый день измѣеться и придетъ к тебе, и створи ему молитвы по обычаю, и облечеши ѿ в порты чисты. . . и тако помажеши ѿ святымъ мюромъ».¹⁹

¹⁷ И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРА, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 355—356.

¹⁸ Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стлб. 29.

¹⁹ Там же, стлб. 385.